
**БАРЫШНИКОВ П.Н. МИФ И МЕТАФОРА:
ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД. — СПБ.: АЛТЕЙЯ,
2010. — 216 с. (серия «Тела мысли»)**

Актуальность выбранной темы порождена новейшими тенденциями во всех пластах духовной культуры человечества. В бегстве от неприглядных реалий современности человек устремляется от Логоса в колыбель Мифа. Современный децентрированный, децентрированный, фрагментарный, клиповый мир смыслов всколыхнул некие защитные механизмы культуры, наиболее древним и действенным из которых оказался миф, пронизывающий всю духовную деятельность человечества.

Но только ли в постиндустриальном цивилизационном кризисе кроется причина обращения к архаичным пластам духовности? Или же сама структура языкового сознания является носителем мифологических универсалий: от фольклорных кухонных быличек о целителях и колдунах до «квантовой мифофизики»*.

Мощный всплеск ремифологизированных смыслов изменил язык, на котором «сказывается бытие» в нашей повседневной дискурсивной практике. Миф, пробудив в языке архаичные метафоры, претендует на роль особой «высшей формы познания», призванной завершить деконструкцию рациональных смыслов. Таким образом, в современных условиях ремифологизации духовной культуры крайне актуальной выглядит задача анализа глубинных оснований мифогенеза.

В рецензируемой монографии автор ставит перед собой задачу рассмотреть лингвистическую природу механизмов мифогенеза, раскрыть лингвистические закономерности метафорического смыслопорождения мифологической образности.

По мнению автора монографии, язык — это универсальный создатель и хранитель концептуально-семантических матриц, которые вне зависимости от исторического контекста метафорически воспроизводят мифы. Замысел автора состоит в том, чтобы обосновать гипотезу совместимости языковых когнитивных процессов иносказания с поливалентным культурным феноменом мифа. Опираясь на идею о том, что мифотворчество — это одна из необходимых функций сознания, воспроизводящаяся в культуре вне зависимости от уровня научно-рационального знания, П.Н. Барышников последовательно доказывает, что анализ архаичных пластов сознания, архаичной коллективно-исторической памяти можно представить на знаковом материале метафорических выражений. В работе подчеркивается, что эвристические функции метафорических смысловых смещений — это необходимое свойство процесса познания любого типа и своего рода «концептуальный канал», по которому в культуру проникает неомифология. «Метафора, обладая эвристическо-интуитивными чертами и когнитивно-эпистемологическими функциями»

* См. *Ирхин В.Ю., Кацнельсон М.И.* Крылья Феникса. Введение в квантовую мифофизическую. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. — 264 с.

ми, участвует в многосложных процессах номинации, детерминации культурных объектов, при трансляции знания и коммуникации» (С. 49)*.

Сразу бросается в глаза ясная и четкая структурированность работы. Первая глава («Парадигматические лабиринты») посвящена лексико-семантическому анализу метафоры с позиций различных научных школ и направлений, начиная от аналитиков-элиминативистов, заканчивая современной когнитивистикой. Вторая глава («Философия мифа и языкознание на исторических перекрестках») — это поиск исторических возможностей синтеза теории мифа и научно-рационального знания о языке. И, наконец, в третьей главе («Метафора в архаичном и современном мифотворчестве») осуществлена попытка синтеза философии мифологии и когнитивно-семантических подходов к метафоре. Здесь же большое внимание уделяется анализу роли мифа в современных квазинаучных построениях.

В первой главе вызывает интерес проведенный автором исторический анализ тропичной природы метафоры. В книге выделяются следующие ее этапы: 1) метафора как стилистическая фигура речи, обладающая высокой степенью поэтичности и образности; 2) как неуместный экспрессивно-образный оборот речи, нерелевантный при рациональном теоретическом построении; 3) метафора как фигура с эвристическо-интуитивными характеристиками, необходимыми для инновационного мышления и дальнейшего прогресса рационального знания; 4) наконец, в XX столетии в связи с новыми достижениями в философии, лингвистике, семиотике метафора трактуется как необходимый компонент языка и мышления, как основной механизм, обеспечивающий их взаимосвязь.

Анализируя, каким образом метафоры участвуют в процессе формирования новых понятий, изменяют повседневный язык людей, одновременно меняя их восприятие мира и способы его постижения, автор показывает, что это возможно в силу двух основных обстоятельств. Во-первых, «метафора... образует в „зазоре“ между образами и понятиями новое смысловое пространство и закрепляет в языке новые динамические смыслы через статичные коннотативные значения» и, во-вторых, «корневая метафора» обладает функцией переноса, осуществляемой на материале базисных концептов языкового сознания, и выступает в качестве универсального кода для создания иносказаний, таких как аналогия, сравнение, метонимия, синекдоха, аллегория и прочих фигур переноса» (С. 49—50). Ключевым выводом в первой главе, важным для всей лингвофилософской трактовки мифа в целом, является то, что метафора не только образно обобщает данные о мире, но и предписывает языковой картине мира область «семантического фокуса».

Вторая и третья главы пестрят смелыми гипотезами, интересными примерами и аналогиями.

Так, во второй главе представлен компаративистский историко-философский анализ «точек пересечения» знания о языке и теории мифа. Автор выделяет здесь шесть основных исторических этапов: от становления иранского и индийского языкознания в 1 тыс. до н.э. (в котором не существовало теории мифа, но была

* Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание.

«живая» мифология) до структурализма, в котором ключом к тайнам бытия объявляются структуры сознания, в первую очередь язык и его производные. Именно на этом основании, по мнению автора, происходит «сращивание» философии мифа и науки лингвистики.

Третья глава посвящена роли метафоры в процессах современного и архаичного типов мифотворчества. На обширном лингвистическом материале автор доказывает конституирующую роль метафоры в формировании когнитивных концептосфер с дальнейшим их закреплением в мифологических образах. Подробно рассматривается миф в символическом пространстве повседневности, мифология исторического дискурса (на примере советских мифов о пионерах-героях), современная PR-мифология, маркетинговая мифология и квазинаучное мифотворчество. Проблемным полем для лингвофилософского анализа избирается проблема метафорической концептуализации и т.н. следы архаичного мифотворчества в глубинных семантических структурах языка. Заслуживает особого интереса гипотеза автора о том, что «*миф и метафора имеют единые механизмы означивания и взаимобулавливают друг друга в структурно-семантическом и культурном закреплении*» (курсив авт.).

Автор обосновывает ее через лексико-семантический анализ метафор чувственных состояний в русском, английском и французском языках, результаты которого подтверждают, что «в языке в его семантических коннотативных функциях сохраняются т.н. паттерны культурно-исторической памяти, которые основаны на архаичных мифологических концептах» (С. 150).

По мнению автора, именно амбивалентная природа метафоры (с одной стороны интуитивные ассоциативные озарения, с другой — задействование архаичных пластов сознания) «пропускает» в науку смыслы из области сакрального. В этой главе П.Н. Барышников формулирует идею «различения *метафор как мыслительных механизмов*, воплощенных в архаичных мифологических образах, и *метафор-тропов*, которые воспроизводят архаичные мифологические образы в виде культурно закрепленного высказывания. Метафоры-тропы участвуют и при создании современных мифологических систем» (С. 173).

Это позволяет автору «вывести» достаточно простую формулу соотношения метафоры и мифа: «Метафора как когнитивный принцип языкового сознания создала основу для мифа, миф в своем развитии сохранился в метафорах-тропах. Постоянное видоизменение лексико-семантического состава языка, а также культурные трансформации приводят к появлению новых метафор и новых мифов» (С. 183).

В заключение проанализированы перспективы лингвофилософского изучения феномена мифа и семантики иносказания. Автор уверен, что в этих вопросах лежит ключ к разгадке проблемы сознания.

Давая оценку монографии в целом, можно сказать, что она удалась. Это — междисциплинарное исследование сложнейшей гуманитарной проблемы, творчески проведенное автором. Текст выглядит логичным и хорошо структурированным, что облегчает понимание общего замысла и хода рассуждений.

Конечно же, она не лишена некоторых недостатков. Нельзя не отметить очевидную неоднородность в манере изложения. Например, первая глава написана тяжелым сухим академическим языком с большим количеством ссылок на авторитетных авторов. К недостаткам работы можно отнести отсутствие в тексте целостного описания философских проблем когнитивной семантики. Обращает на себя внимание ряд опечаток и ошибок, но это уже следствие редакционно-издательской, корректорской технической недоработки.

Книга, несомненно, будет полезна специалистам в области гуманитарных наук, в чьи научные интересы входят язык, когнитивные процессы и сознание человека. Рекомендуются также тем исследователям, кто убежден в ценности «лингвистического поворота» в науке и верит в возможность познания тайны духовности человека через язык. Пожелаем молодому талантливому автору дальнейших творческих успехов.

В.М. Найдыш